

УДК 316.33:167(045)

*И.В. Журбина***МАНИФЕСТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО «ИСКЛЮЧЕНИЯ»
В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

В статье представлены различные интерпретации понятия «манифестация» как способа самопредъявления «исключенных» социальных индивидов. Показано, что в рамках концепции биополитики манифестация «исключенных» индивидов предъясняется природным телом толпы, возникающим на пределе социальной субъективности, где обнаруживается «инаковость» существования индивида как носителя индивидуального сознания. Тело толпы проявляет себя в инстинктивном, рефлекторном и иррациональном поведении, исключающем сознание и мышление. Здесь манифестация тождественна голосу обездоленных, требующих, чтобы власть их услышала. Установлено, что в рамках концепции трансполитики, ориентированной на средства массовой информации, манифестация рассматривается как дополнительное средство к праву голосования, позволяющее народу оказывать давление на власть путем мобилизации общественного мнения. Трансполитика формирует представление о медиатических манифестациях-спектаклях масс. В массе первоначальные структуры социальности обнаруживают себя в природе бессознательных влечений, управляемых словом. Показано, что манифестации в форме локальных и насильственных бунтов и медиатические манифестации – это социальное действие, посредством которого манифестанты «включены» в борьбу либо за власть, либо – с властью. Выявлен новый смысл понятия «манифестации» как дискурсивного представления бытия «исключенных» социальных индивидов в пространстве интерпретации. Смысл политического бытия «исключенных» индивидов определяется именем, которое становится началом появления новой «вот-этой-политики».

Ключевые слова: манифестация, природное тело толпы, социальное тело массы, идентификация, именование.

В настоящее время кризис системы демократического представительства инициирует исчезновение символического уровня представления общества, большая часть которого либо сама отказывается от него, следуя «бардлбианской политике» (С. Жижек), либо лишается представителями, представляющими самих себя и свои собственные интересы. «Бардлбианская политика» реализует единственно возможное право граждан – право не выбирать, которое становится радикальным решением в ситуации отсутствия доверия к власти. «Бардлбианская политика» – синоним действия, которое должно прочитываться буквально: «Я не предпочел бы» / «Я не предпочел бы это делать» / «Я не предпочитаю говорить». В этом смысле «бардлбианская политика» демонстрирует пассивную активность, где отсутствие определенности ответа в форме: «да», или «нет» – расширяет зону неопределенности, или неразличимости. Реализуя свое право не выбирать, индивиды не выступают против, что превратило бы их в участников протестного движения, но и не соглашаются выбирать власть. В социальной философии «бардлбианская политика» уклонения рассматривается как массовый «уход» индивидов от выбора, что избавляет власть от давления «снизу». Власть, представленная замкнутым на самом себе круге представителей, больше заинтересована в политической пассивности и индифферентности общества, чем в его поддержке. «Уход» большей части общества от политики, то есть контроля господствующей власти, начинает расцениваться самой властью как общественное одобрение ее действий. В свою очередь активная вовлеченность общества в процесс принятия решений рассматривается как опасность появления социального недовольства, демонстрирующего уверенность общества в неспособности власти управлять. Массовый «уход» делает голос части общества, зависимой от решения власти, неслышным. Отказываясь от своих прав в пользу того или иного представителя, эти индивиды не имеют политического представительства, то есть “de jure” они «включены», но “de facto” оказываются «исключенными», то есть не-представленными, или не-учтенными. Общество начинает представляться самому себе в объективированной форме – таким, «какое оно есть на самом деле». Однако в действительности оно пребывает в состоянии «голой жизни», зависимой от власти: лишается возможности принимать участие, или повлиять каким-то образом на принятие властью решений, затрагивающих основы жизнедеятельности общества.

Существование не-представленного, а значит, не-представимого «остатка» оказывается *возможной невозможностью* появления политического как субъективной представленности. Можно говорить о том, что в настоящее время политическое бытие начинается с этого из-быточного элемента как части ситуации «исключения», но он не может быть объяснен в терминах этой ситуации. По-

скольку не-представимое не имеет внешнего референта, то оно может быть представлено только из самого себя как целое. На пределе представительства общество самопредставляется через «исключенную» часть как целое. Предельной формой такого непосредственного предъявления «исключенных» социальных индивидов становится *манifestация*, указывающая на то, что в непосредственной действительности «имеет-ся» некий не-представимый, или не-представленный, «остаток». Если обратиться к этимологии понятия «манifestация», происходящего от латинского слова «manifestation», то оно означает публичное массовое выступление для выражения солидарности, или протеста. С одной стороны, манifestация представляет собой действие, с другой – она сопровождается плакатами, транспарантами, на которых слова объясняют смысл действия, придают ему значение акта либо солидарности, либо протеста. «Когда мы наблюдаем картину разъяренной толпы, – пишет С. Жижек, – поджигающей здания и автомобили, расправляющейся с людьми и т.д., мы не должны забывать о плакатах, которые они несут, и словах, которыми они обосновывают и оправдывают свои действия» [3. С. 55]. Манifestация оказывается словом, не отделенным от действия. Здесь политическая субъективность предъявляется на «нулевом уровне» существования. Манifestация как предельный способ, посредством которого общество переходит к самопредставлению, истолковывается двояким образом: как действие и слово индивидов, «включенных» в политическую борьбу либо за власть, либо против власти; так и действие, репрезентирующее, делающее видимым социальное «исключение».

В первом варианте манifestация рассматривается как действие, демонстрирующее некоторое политическое намерение общества. Такая манifestация проходит в форме локальных уличных мятежей и бунтов, которые имеют спонтанный и беспорядочный характер насильственного действия, направленного против существующей власти. Спонтанные и неуправляемые манifestации становятся маргинальным способом политического выражения народными массами своего недовольства и возмущения властью. Манifestация как действие, оказывающее давление на власть, здесь тождественно голосу обездоленных, требующих, чтобы власть их услышала. «Будучи почти мгновенным выражением недовольства или возмущения, подобных мятежу, – пишет П. Шампань, – она представляет, главным образом, физическое подтверждение определенного мнения» [13. С. 65]. В таких манifestациях требование выражается в физической силе толпы, способной привести, как показали манifestации XVII – XIX вв., к смене власти.

Манifestанты действуют как некий единый социальный организм, или толпа. Организация толпы воспроизводится на природном/биологическом уровне единства, демонстрирующем предел социального бытия. Это свидетельствует о том, что толпа как некое тело возникает на пределе социального порядка, ее действия подчиняются общим законам природы. Появление толпы непосредственно соотносится с периодами социальных революций, политических переворотов, крупномасштабных социальных реформ, когда разрушение социальных отношений инициирует появление толпы как стихийного, самоорганизующегося образования, которое регулируется имманентным законом духовного единства толпы (Г. Лебон [4]), законом интенсивности душевного движения (С. Сигеле [10]), круговой реакцией, характерной для форм коллективного поведения (Г. Блумер [2]). Толпа демонстрирует природное состояние социального бытия. В природном теле толпы индивидуальное многообразие нивелируется до степени неразличности. В толпе инди-вид становится одним из видов живых существ, который функционирует, прежде всего, лишь как некое биологическое тело, возникающее на пределе разрушения социальности. На пределе социальности обнаруживается «инаковость» существования социального индивида как носителя индивидуального сознания. Человеческая «инаковость» проявляет себя в инстинктивном, рефлекторном и иррациональном поведении, то есть в том, что исключает сознание и мышление, позволяющие появиться рефлексии, способствующей осознанию всего происходящего. «Сознательная личность исчезает, – пишет Г. Лебон, – причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа» [4. С. 155-156]. В природном теле толпы снимается граница конкретной определенности индивидуального бытия таким образом, что здесь каждый индивид становится таким же, как все. Индивиды, утратившие индивидуальность, оказываются одинаковыми. Утрата индивидуальности означает, что каждое тело индивида подобно другому телу, то есть оказывается неразличимой и не различающей себя частью толпы как единого природного организма. В толпе социальная субъективность предъявляется на «нулевом уровне», свойственном безрефлексивному состоянию. Толпа как самоорганизующееся на пределе социального порядка природное тело управляется природным инстинктом самосохранения, который внутри общества реализуется как ин-

стинкт разрушения социального порядка, что находит выражение в агрессивных действиях толпы как а-социального образования. Толпа, считает С. Московичи, представляет «собой скопление людей, которые объединяются вне учреждений и вопреки им на временных основаниях. Одним словом, толпы асоциальны и асоциальным образом сформированы» [5. С. 103].

Природное тело толпы представляется бесструктурным порядком физических тел индивидов, сходных в своих действиях. Толпа действует как единый организм, который становится видимыми. «Толпа состоит из множества индивидов, она обычно физически обозрима, и описывается в действии как его единый субъект» [6]. В манифестации природное тело толпы действует таким образом, что оно предъявляет себя полностью. В представлении самого себя такое тело полностью себя показывает, одновременно высказывая всё сразу «голосом». Использование «голоса» сводит человека, наделенного логосом – мышлением и языком, к состоянию животного, не владеющего речью. Толпа ревет, вопит, визжит, то есть издает единственно доступные ей звуки. Этот «голос» никому не понятен, но имеет значение для социального тела толпы, поскольку делает толпу слышной. Отсутствие связности указывает на то, что манифестация толпы предъявляет бесструктурный поток звуков, которые а-гармоничны, не связаны и не согласованы между собой. Они все как бы звучат, но это звучание не является речью. Через природное тело толпы говорит «голос» бессознательной и бессмысленной жизни. Посредством «голоса» выражаются только чувства толпы, а не мысли, следовательно, манифестация может постоянно изменять свое направление под воздействием чувств, в результате чего акция протеста, звук которой выражает чувство возмущения, может перейти в демонстрацию солидарности, и наоборот. В силу импульсивности и изменчивости толпы смысл манифестации всегда неопределен, следовательно, непонятен.

Манифестации вписываются в биополитику, или политику жизни, открывающую возможность оказывать сопротивление власти/полиции телом, предельным воплощением которого является природное тело толпы. В структурах биополитики власти, проникающей на природный/биологический уровень существования общества, с целью заботы о нем как о некоем социальном теле, общество может оказывать сопротивление только телом, предельным воплощением которого становится природное тело толпы. В этом смысле современная биополитика возвращает архаическое наследие революционных времен XVIII – XIX вв. Биополитика, или политика жизни, предъявляет политическое бытие через точку «нулевой» социальной субъективности как природное тело. Лишенные языка социальные индивиды заявляют о собственных требованиях посредством манифестации, в которой бесструктурный поток бессвязных звуков и/или возгласов «уже-не» является актом непосредственного действия. В манифестации действием открывается уровень до-языкового бытия, смысл которого «еще-не» понятен, но который «уже» существует в социальной действительности.

Концепция трансполитики, ориентированная на средства массовой информации, формирует представление о медиатических манифестациях масс. Манифестация начинает рассматриваться как дополнительное средство к праву голосования, позволяющее народу, с одной стороны, оказывать давление на власть путем мобилизации общественного мнения; с другой стороны, позволяет народу «призвать к порядку своих собственных избранников» [13. С. 66]. Возникает форма представительной манифестации, организованной и регулируемой профсоюзами, политическими партиями и движениями, которые посредством массовых акций не только расширяют представительность, но и демонстрируют многочисленность социального состава своего представительства. Представительные манифестации, организуемые представителями партий и различных движений, анализируются через концепцию «массы», которая отличается от понятия «толпы». Концепция массы выстраивается на основе представлений о бессознательных влечениях З. Фрейда [11], коллективном бессознательном масс К. Г. Юнга [14], иррациональности поведения масс В. Райха [7]. Масса воспроизводит первоначальные структуры социальности, которые формируются в природном состоянии, где они обнаруживают себя в первобытной орде. Если толпа демонстрирует природное состояние социального бытия, то масса предъявляет первоначальные структуры социального бытия в природе бессознательных влечений. В первобытной орде социальность образуется на основе стадного инстинкта, существование которого обусловлено природой человека как вида живого существа. Суть стадного инстинкта выражается в биологической склонности живых существ к соединению в более крупные единства. Масса понимается как социальное, искусственное образование, то есть представляет собой некое социальное тело, возникающее в природности. В этом смысле масса воспроизводит архаические, древнейшие структуры социальности в современном мире. «Масса кажется нам вновь ожившей первобытной ор-

дой. Так же, как в каждом отдельном индивиде, первобытный человек фактически сохранился, так и из любой человеческой толпы может снова возникнуть первобытная орда; поскольку массообразованные обычно владеет умами людей, мы в нем узнаем продолжение первобытной орды» [11. С. 819].

Возникновение массы непосредственно связывается с вождем, выполняющим в современном обществе функцию «праотца первобытной орды», либидозное (эмоциональное) влечение к которому позволяет индивидам идентифицироваться между собой, и представлять себя единым, искусственно образованным социальным телом. «Такая первичная масса есть какое-то число индивидов, сделавших своим Я-идеалом один и тот же объект и вследствие этого в своем Я между собой идентифицировавшихся» [11. С. 812]. В массе либидозные, эмоциональные связи устанавливают гипнотическую зависимость индивидов от вождя/вожака, выполняющего функцию гипнотизера. В состоянии гипнотической зависимости снимается критическая цензура сознания, что выражается в ослаблении интеллектуальной деятельности, и появлении у индивидов однородной реакции на слова гипнотизера.

Современные политические лидеры берут на себя те же функции, которые в примитивных обществах выполнял вождь первобытной орды, управляющий с помощью «животного магнетизма». Из архаических времен заимствуется магия языка, его способность выполнять не только семантическую, но и магическую функцию воздействия. Магия слова заключается в том, что речевой акт инициирует действие. Слова, которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом и семантическом плане, начинают демонстрировать чувства и эмоции говорящего, который стремится вызвать непосредственный эффект у слушателей, как бы минуя их сознания, то есть на уровне бессознательного. Здесь действительность речевого акта, его иллюкативная сила, оценивается по эффекту воздействия, манифестирующему силу речевой деятельности. Магическое слово тождественно «заклинанию», составляющему суть коллективного внушения, которое базируется на утверждении и повторении. Политическая речь, выстраиваемая магией слова, производит социальное тело, или массу.

Масса, организуемая и управляемая словом, сама собой становится воплощением слов представителей, манифестирующих себя в коллективном действии, выражающем общественное мнение масс. Манифестация является выраженным в слове масс мнением. Чем более массовой оказывается манифестация, тем более широкие социальные слои она представляет и тем шире становится социальный состав тех, чьи интересы представляет тот или иной политический лидер. Здесь происходит публичная демонстрация численности сторонников. В таких манифестациях каждый шагающий под своим плакатом заявляет не только о себе, но представляет определенную категорию населения. Манифестации являются выразителями мнения группы, значительно большей, чем та группа, которая участвует в шествии.

В связи с этим представительные манифестации утрачивают спонтанный и неуправляемый характер действий толпы, они проходят в виде массовых дисциплинированных процессов и/или шествий, стройность которых должна продемонстрировать четкость выражаемого мнения. Смысл такой манифестации определяется словом, то есть теми лозунгами и призывами, которые четко и артикулировано выкрикивают участники; порядок действия манифестантов определяется словом. Упорядоченное действие представляется в форме организованного шествия, где участники сохраняют свои ряды, парада, демонстрации. Предельной формой массовых манифестаций становится митинг, где действие полностью переходит в слово, демонстрирующее эмоциональное напряжение и возбуждение массы. Очередность лозунгов, выкрикиваемых манифестантами, демонстрирует вариативность мнения массы, в которой каждый участник представляет некую часть общества. В свою очередь скандирование одного единственного лозунга/призыва становится показателем уровня единства манифестантов, единых в своем мнении.

В связи с тем, что такие манифестации должны увеличивать социальный состав тех, кто поддерживает их мнение, они являются медиатическими манифестациями, предназначенными для средств массовой информации и создающимися с помощью СМИ. Медиатические манифестации являются манифестациями для журналистов, участвующих как зрители, которых манифестанты стараются либо взволновать, либо развеселить. Медиатические манифестации превращают политические акции в спектакль с наличием различного рода зрелищных эффектов, привлекающих внимание зрителей: транспаранты с лозунгами, плакаты, которые не только выражают четкие требования, но могут содержать юмористические рисунки, карикатуры, и т. д. «По мере накопления наблюдений можно даже <...> составить перечень технических приемов, – пишет П. Шампань, – которые применяют манифестанты как для усиления шумовых эффектов внутри городского пространства (пение,

крики, ритмичность, техническое оснащение усилителями, заводилы, выкрикивающие в мегафоны лозунги, подхватываемые манифестантами, и т. д.), так и для нарушения обычных для улицы зрительных эффектов (неожиданные и необычные для города предметы типа тракторов или коров, маскарадные костюмы и т. п.) для того, чтобы привлечь внимание горожан и превратить их в свидетелей конфликта» [13. С. 207]. Стратегия манифестаций-спектаклей заключается в символическом воздействии на то представление, которое общество через прессу, может составить о группе, проводящей манифестацию и ее лидерах.

Постоянное изменение форм проведения манифестаций-спектаклей обусловлено не столько стремлением сделать эти манифестации политически действенными, сколько поиском зрелищных форм: фольклорных, ярмарочных гуляний с частушками, – посредством которых манифестанты обращают на себя внимание журналистов и стремятся произвести на них впечатлений. «Продефилировать означает “продемонстрировать” свою силу, чтобы не пришлось к ней прибегнуть, – пишет П. Шампань, – а также просто “показать себя” и совершить действие при помощи почти что исключительно одного представления (в театральном смысле), которое группа, более или менее контролируемая, хочет дать увидеть другим» [13. С. 218]. Манифестации-спектакли образуют сценическое пространство, которое задается в границах отношений актер – зритель, и определяется постановочными задачами режиссера-постановщика. В пределах сценического пространства субъективные состояния режиссера-постановщика должны объективироваться, то есть проявиться в действиях и словах манифестантов, а затем субъективироваться во внутренних состояниях зрителей, в их переживаниях и эмоциях. В этом смысле режиссер-постановщик массовых манифестаций-спектаклей стремится добиться максимальной достоверности непосредственного переживания зрителем всего происходящего на сцене. Зрелищные формы манифестаций-спектаклей начинают говорить сами за себя, то есть служат призывом для зрителей: «Здесь вам не будет скучно!».

Смысл манифестации определяется комментариями журналистов, появление которых для манифестантов становится знаком того, что о них «заговорила» пресса. Чем более противоречивыми оказываются комментарии манифестаций-спектаклей, тем более широкое освещение получают в прессе такие манифестации. Таким образом, манифестации в форме локальных и насильственных бунтов и медиатические манифестации – это действие и словом, посредством которых манифестанты стремятся либо оказывать давление на власть, вынуждая власть узнать о себе и признать себя, либо средством привлечения внимания журналистов, формирующих общественное мнение, посредством которого также можно оказывать давление на власть. В этом смысле манифестации как бы «включены» либо в борьбу за власть, либо в борьбу с властью.

В настоящее время появляются манифестации, представляющие собой самореферентный акт действия, который манифестанты направляют не на власть, а на самих себя. Здесь латинское слово “manifestation” приобретает свое буквальное значение обнаружения и проявления. Действие начинает говорить само за себя, то есть становится «говорящим действием», или действием, тождественным слову. «“Нравится вам это или нет, вот мы здесь, как бы вы ни делали вид, что не видите нас” <...> Они не предлагали решения и не создавали движения для того, чтобы предложить такое решение. Их цель была в том, чтобы создать проблему, сигнализировать, что они были проблемой, которой нельзя больше пренебрегать. Именно поэтому было необходимо насилие» [3. С. 64]. Манифестация как самореферентный акт действия лишает власть и журналистов возможности комментировать, объяснять всё происходящее, базируясь на традиционные представления манифестации-бунта и манифестации-спектакля.

Такая манифестация открывает возможность для появления политической реальности в пространстве интерпретации. Манифестация, считает Ж. Рансьер, должна интерпретироваться на основе чувственного восприятия мира, в соответствии с которым манифестация реконфигурирует пространство разделения общества, делает зримой обез(дол)енных, которые принадлежат к недифференцируемой массе тех, кто не считается полицейской системой представления. Манифестация имеет политический смысл постольку, поскольку она позволяет увидеть тех, у кого отсутствуют какие-либо основания быть увиденными в полицейской системе представления. Манифестация делает видимой две разновидности разделения осязаемого: полицейскую и политическую. «*Политическое* будет областью встречи между политикой и полицией при разборе несправедливости» [8. С. 100]. Полиция, полагает Ж. Рансьер, формирует собственный режим представления/показа общества как суммы частей. «Полиция, таким образом, – в первую очередь порядок тел, определяющий разделение между

способами быть, делать и говорить, согласно которому такие-то тела приписываются своими именами к такому-то месту и такому-то заданию; это порядок видимого и внятного, согласно которому одна деятельность видима, а другая нет, одни слова воспринимаются как речь, а другие как шум» [9. С. 55]. В полицейском порядке учета частей общества отсутствует возможность представлять «исключенных» индивидов, которые не-учитываются полицией, а значит, не имеют своей доли или (у)части в полицейской системе представлений. Полицейский режим представления тавтологически «замыкает» общество на самом себе, в соответствии с которым «рабочие это рабочие», «население это население», «граждане это граждане» и т.д. Тавтология, выраженная формулой « $A = A$ », утверждает простое равенство частей, и не позволяет увидеть неравенство, существующее между частями.

Манифестация изменяет перцептивный опыт восприятия частей общества, то есть визуальное отношение между его частями: видимой, а значит, выразимой в порядке языка (логос) части общества, и не-видимой части, у которой есть только голос (фонем), уравнивающий ее с животными. В пространстве политического происходит перевод манифестируемого действия «исключенных» в язык, делающий их голос понятным, то есть услышать речь там, где до этого слышался только шум голосов. В концепции Ж. Рансьера манифестация, с одной стороны, является действием, доказывающим наличие неправоты и неравенства в обществе. В свою очередь манифестация является словом, доказывающим возможность существования равенства через парадоксальную идентификацию, которая открывает субъективное пространство политического.

В субъективном пространстве чувственное разделение преобразуется в со-чувствие как со-участие включенной части общества к «исключенным». Субъект конституируется через парадоксальную идентификацию, демонстрирующую возможность установления равенства «кого угодно с кем угодно». Идентификация, имеющая форму парадокса, выражается в утверждении: «Все мы – немецкие евреи», «Я по профессии пролетарий», – или в вопросах: «Француз ли французенка?», «Принадлежат ли французские рабочие к французам?». Демонстрация равенства привязывает силлогистическую логику *или/или* (граждане или человеческие существа) к логике паратаксиста: «мы таковы и мы не таковы». Идентификация является языковым актом, открывающим дискурсивное пространство полемики как общее пространство аргументации. «Человек есть, в первую очередь, существо слова, в качестве говорящего существа он находит себя равным всякому другому» [8. С. 82]. Политическое верифицирует равенство в языке и посредством языка. Однако логика языка такова, что, в силу многозначности его значений, он инициирует разногласия как особый тип речевой ситуации, когда собеседник одновременно понимает и не понимает, что говорит другой.

Субъект существует как нечто промежуточное (*in-between*), демонстрирующее невозможную идентификацию, посредством которой устанавливается при(част)ность к не-причастным, или «исключенным». Существование субъекта невозможной идентификации тождественно бытию-между именами, ни одно из которых не является его собственным. Такой субъект конституируется как парадоксальная фигура политического дискурса, выступающая всегда не от собственного имени, обращающегося к место-имени «Я». Политическая манифестация несправедливости происходит от другого имени, или имени другого, предельным воплощением которого становится «Другой». Такой «Другой» существует в своей непонятности. Идентификация «Я» и «Другого» осуществляется посредством множества не-собственных имен, которые не относятся в полной мере ни к «Я», ни к «Другому». Имя становится «пустым», что способствует появлению семантического сдвига. Сам процесс идентификации становится процессом «скольжения» имен, в котором ни одно имя не соответствует в полной мере идентифицируемой реальности, то есть не совпадает с тем, что номинируется, или именуется субъектом. Предельным именем «исключенных» становится местоимение «мы», которое используется в-место-имени «Я». Здесь местоимением «мы» предьявляется «пустое» равенство «всех нас» и «них». Таким образом, в концепции Ж. Рансьера политическое является способом субъективации неправоты и возникает в местах парадоксальной идентификации, открывающей полемическое пространство равенства. Такая парадоксальная идентификация с не-причастными и/или «исключенными» – случай редкий, следовательно, и политическое, а значит, и политика возникает всегда случайно и являются временным явлением. «Тем самым политическая манифестация является всегда точечной, а ее субъекты – кратковременными» [8. С. 214].

В структурах политического дискурса позиция субъекта оказывается неидентифицируемой и неопределенной. Такую неопределенную позицию в пространстве политической субъективности, считает А. Бадью, занимает сам Ж. Рансьер, который, с одной стороны, не занимается политикой, то

есть не является активистом политических движений, организаций, и не принадлежит ни к какой партии, с другой стороны, критикует идеологичность философии и философов: «Рансьер политикой не занимается <...> Но Рансьер, по большому счету, не занимается и философией» [1. С. 197]. Существование неопределенного субъекта, существующего в «зазоре», определяется логикой двойного отрицания – ни политика, ни философия, в результате которой политический дискурс становится странством безымянной субъективации, смысл которой сводится ок множеству языковых игр, инициирующих появление гетерономии.

Решение проблемы, как мы полагаем, заключается в том, чтобы перейти от безымянной субъективности к имени субъекта как состоянию политической субъективности. Это возможно только на основе логики тождества, сохраняющей субъекта как саморефлектирующее основание дискурсивности. Понятие «идентичность» выражается двумя латинскими словами «idem» и «ipse», которые имеют разные значения. Если «idem», связанное с «самостью», указывает на внешние отношения, возникающие между «я» и «другим», то «ipse» обозначает «того же самого», или «одного и того же», то есть устанавливает отношения «я» с самим собой. Идентификация является процессом отождествлением «я» с самим собой, которое может быть представлено следующим образом: «я» = «Я». Существование «Я» тождественно созерцательной активности мышления, где видение как чувственное восприятие тождественно представлению. В декартовском тезисе: «ego cogito, ergo sum», слово «cogito» и «cogitare» переводится как мышление, так и представление – perceptio/percipere (М. Хайдеггер [12. С. 123]). Тождество представление = мышление равно утверждению «представление есть мышление», где мышление понимается как самоосновное представление, которое для своего представления не нуждается ни в чем, кроме самого себя. В представлении представляющий субъект – «тот, кто представляет», и представляемый объект – «то, что представляется», существуют в состоянии субъект-объектного тождества как исходного принципа и начала исследования. Мышление осуществляет «поворот» от непосредственного представления и представляет в реальности языка не-представимую до этого реальность того, что непосредственно «уже» предъясняется манифестацией «исключенных», но «еще-не» представлено в структурах знания. Манифестация «исключенных», существующая в действительности, обнаруживается в пространстве мыслимого существования политической реальности как реальности системы политического знания.

В данном случае мышление начинает действовать посредством радикального вопроса – «вот-это-политика?», который оказывается вопросом политического бытия, манифестирующего «исключенных» социальных индивидов. Вопрос открывает пространство дискурсивного представления «вот-этой-политики». В дискурсивном пространстве мышление является высказывающей себя мыслью, или *высказыванием*, открывающим перспективное представление «вот-этой-политики», обращенное к будущему. В свою очередь политическая способность «вот-этой-политики» осмысливается ретроспективно, то есть возвращает к прошлому в *суждении*, утверждающему или отрицающему высказанную мысль. Можно говорить о том, что перспективное представление «вот-этой-политики» осмысливается рефлексивно в «обратном направлении» в отношении прошлого, в то время как ретроспективное представление открывает перспективу в будущее. Утверждающее и отрицающее суждение образуют поле дискурсивного представления концепта «вот-этой-политики», которое задает границы интерпретаций пространства политического дискурса. Пространство политического дискурса оказывается полем понятийного определения концепта «вот-этой-политики», в котором язык производит различные определения, каждое из которых оказывается языковой конструкцией, предъясляющей смысл политического мышления.

Смысл политического бытия «исключенных» определяется *именем*, которое не отсылает ни к чему внешнему, но только к самому себе как самореферентному понятию. Самореферентную природу имени традиционно рассматривают в аспекте тавтологии, замыкающей имя на самом себе. Тавтология, выраженная формулой «А = А», утверждает соответствие имени самому себе в любой момент существования. Тавтология указывает на неизменность имени. Однако тавтологическую замкнутость имени можно рассматривать и как форму субъект-объектного тождества, представляющую имя в тождестве означающего и означаемого. Имя задает целостное представление, где целое всегда едино или единственно как понятие «вот-этой-политики», смысл которого может определяться и переопределяться, то есть «набрасываться-заново» в структурах дискурса.

В системе тождества представляемое имя указывает на само себя из места представления, которым открывается перспектива видения «вот-этой-политики». Представляющее и представленное, как

место и имя, сходятся в единой точке самопредставляющей субъективности, которая в политической реальности представляется именем собственным, предельное из которых – местоимение «Я». Процесс понятийного определения концепта «вот-этой-политики» оказывается процессом самопредставления и самоопределения «Я» в поле политики. В этом смысле политический дискурс, представляющий концепт «вот-этой-политики» является автореферентным дискурсом, обращающим к месту существования местоимения «Я».

Поле бытия политики оказывается поименованным пространством категоризированной субъективности, в котором предельно развернутое в понятиях имя представляется концептом (от лат. *concept* – понятие, идея, общее представление). Концепт выстраивается на основе «точки зрения» как базисного принципа исследования, которая несет в себе черты интеллектуальной автобиографии субъекта, а концепт содержит «следы» авторитета традиции. В концепте, как предельно общем представлении, имя отчуждается от самого себя и на пределе объективируется в имени нарицательном: макиавеллизм, марксизм, ленинизм, голлизм и т.д. Имя нарицательное становится предельно общим – концептуальным именем «вот-этой-политики». В дискурсивном пространстве возникновение имени нарицательного указывает на предел, или границу, дискурсивного представления «вот-этой-политики», которая инициирована конкретным именем. Поскольку имя нарицательное указывает на предел представлений, постольку на пределе оно демонстрирует существование имени в исчерпанной полноте определений.

В поле бытия политики множество имен образуют единое концептуальное поле, в котором политика представляется под разными именами, но в каждом из них она оказывается самождественным понятием «вот-этой-политики», отсылающим к месту и времени ее произведения. Здесь каждое имя существует отдельно, то есть то, что называется, именуется одним именем, не может быть разделено с тем, что называет другое имя. Однако в концептуальном поле всё множество понятийных определений «вот-этой-политики» выстраивается только тогда, когда есть предположение, что «политика вообще» существует. В концептуальном поле политики вопрос: «политика есть?» и/или «политика существует?», базируется на изначальном предположении о существовании политики как таковой, или «политики вообще», которое содержит в себе первичную утвержденность как некое интуитивное знание о том, что «политика есть», или «политика существует». Это значит, что «политика вообще» как предельно универсальное/родовое понятие существует в пределах некоего множества определений, где оно оказывается местом, структурирующим концептуальное поле политического дискурса.

Таким образом, проблема метафизических оснований политического бытия непосредственно связана с философско-онтологическим уровнем рефлексии, возвращающим к субъективному началу политического бытия как системы знания, построенной на основе принципа социального «исключения». Политическая реальность начинается с этого из-быточного элемента системы представительства. Формой непосредственного представления «исключенной» части общества становится манифестация, которая приобретает буквальное значение предьявления, или представления. В современной философии манифестация интерпретируется на основе как логики различия, так и тождества. Логика различия базируется на основе чувственного восприятия мира, в соответствии с которым манифестация делает зримой, то есть чувственно воспринимаемой, массу «исключенных» социальных индивидов. Манифестация изменяет визуальное отношение между включенными и «исключенными» таким образом, что установление равенства между ними возможно только через парадоксальную идентификацию, в результате которой субъект исчезает, а политический дискурс оказывается бессубъектным процессом языковой игры. Возвращение субъекта политического дискурса требует обращения к логике тождества, в соответствии с которой манифестация открывает возможность представлять непредставимое на основе субъект-объектного тождества. Смысл политического бытия «исключенных» определяется именем, задающим целостное представление «вот-этой-политики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.
2. Блуммер Г. Коллективное поведение // Психология масс. Самара: Изд. дом «БАХРАХ–М», 2001. С. 535-588.
3. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
4. Лебон Г. Психология масс // Лебон Г. Психология масс. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 143-316.

5. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
6. Найдорф М. К понятиям «толпа» и «масса». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/naid_ponmass.php
7. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997. 379 с.
8. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Параксис, 2006. 240 с.
9. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
10. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, «КСП+», 1998. С. 13-116.
11. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 771-838.
12. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63-176.
13. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997. 317 с.
14. Юнг К.Г. Очерки о современных событиях. Психология нацизма // Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густова Юнга. СПб.: Изд-во «Ювента», 1996. С. 266-337.

Поступила в редакцию 24.01.2018

I.V. Zhurbina

THE MANIFESTATION OF SOCIAL "EXCLUSION" IN THE SPHERE OF POLITICAL DISCOURSE

The article concerns various dimensions of the notion of “manifestation” as a way of self-presentation of “excluded” social individuals. The author shows that within the framework of biopolitics, the manifestation of “excluded” individuals is presented by the natural body of the crowd which, arising at the fringe of social subjectivity, reveals the “otherness” of the individual as a bearer of a distinct consciousness. The body of the crowd manifests itself in an instinctive, reflexive and irrational behavior that excludes consciousness and thinking. Here the manifestation equals the voice of the destitute, underprivileged groups demanding that the authorities hear them. Within the framework of mass media-oriented transpolitics, manifestation is seen as an additional means to the right of voting, which allows people to put pressure on the government by mobilizing public opinion. Transpolitics forms the idea of media manifestation-performances of the masses. In the masses the original structures of sociality reveal themselves in the nature of unconscious drives controlled by the word. It is shown that manifestations in the form of local and violent riots as well as meditative manifestations are a social action through which the participants are “included” either in the struggle for power or against the authorities. A new meaning of the concept of “manifestation” as a discursive representation of the existence of “excluded” social individuals in the interpretation space is revealed. The value of the political existence of “excluded” individuals is determined by the name that becomes the beginning of the appearance of a new “this policy”.

Keywords: manifestation, natural body of the crowd, social body of the mass, identification, naming.

Журбина Ирина Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
истории, теории и практики социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: soloveyiv1@mail.ru

Zhurbina I.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: soloveyiv1@mail.ru